

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Татьяны Ставицкой
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

МОСКОВСКАЯ ПЛОТЬ
АЛМАЗ. АПОКРИФ ОТ МОСКОВСКИХ

Татьяна СТАВИЦКАЯ

АЛМАЗ. АПОКРИФ ОТ МОСКОВСКИХ

Роман

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С11

Серия основана в 2004 году
Выпуск 417

Художник
М. Поповский

Ставицкая Т. К.

С11 Алмаз. Апокриф от московских: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 314 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1212-9

Роман повествует о каверзе, устроенной сообществом Вечных Москвичей лондонскому сообществу. История самого крупного из когда-либо добытых человечеством алмазов «Куллинан» в отличие от других известных камней кажется абсолютно прозрачной. Но это не так. Посудите сами: разве могли бессмертные московские эстеты позволить лондонским так варварски расправиться с уникальным камнем, как о том пишут в энциклопедиях? Немыслимо! Судьба алмаза становится очевидной, если оценить масштаб и своеобразие личностей, взявшихся за его спасение, и принять во внимание исторический фон короткого с точки зрения Вечности периода пребывания камня на поверхности Земли.

Итак, московская нетрадиционная версия развития событий.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Ставицкая Т. К., 2012
© Художественное оформление,
ISBN 978-5-9922-1212-9 «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

События воссозданы по материалам прессы, поэтому история представляется автору сомнительной.

Автор за достоверность не ручается, зуб не даст.

Все лица и учреждения вымышлены, совпадения случайны.

В прошлом всегда есть что-то абсурдное.

Макс Бирбом

Часть первая

МОСКВА ВОРОВСКАЯ

Глава 1

ПОБЕРЕГИСЬ!

Быть может, в каких-нибудь других краях и удалось наладить жизнь лучшую, преодолев влияние ландшафта и обычая, но не такова Москва.

Хроникер криминальной жизни Первопрестольной Арсений Адаманский, трудившийся в газете «Московское время», проснулся поздно. Казус сей был следствием ночной товарищеской попойки по случаю так бездарно проигранной войны с Японией и позорно сданного Порт-Артура. Ведь каждому мыслящему человеку, а именно к таковым относил себя репортер, было ясно как божий день, что военный бюджет попросту расхищен. А воевать малыми средствами на другом конце света означает обрекать себя на заведомое поражение. Каждая военная кампания, подозревал сугубо штатский репортер, есть война средств. Впрочем, чем бы ни окончилась любая война, в которую суждено вляпаться России, она непременно выйдет из нее обессиленной и истощенной, обремененной многомиллиардным государственным долгом, с обесцененным рублем, разрушенной промышленностью и разоренным сельским хозяйством. Отчего так? Неужели государь не видит, что вокруг него воры?

Бой часов за стеной, гулко отозвавшийся в нездоровой голове, напомнил репортеру о назначенной на полдень важной встрече с осведомителем. Надобно

было торопиться. Испросив у хозяйки капустного рас-солу и осадив одним махом ночное недоумение, Адаманский поискал рубаху почище, влез в выглаженные хозяйской прислугой брюки, надел пальто, шапку и, подняв барашковый воротник, вышел в студеную Москву. Огляделся вокруг, и престранная мысль посетила вдруг его: как ни стараются застройщики сгладить впечатление от зубастости Первопрестольной, зубья сами собой прорастают из земли московской: то островерхая башенка со шпилем — не с фасада, так со двора, то доходный дом, то фабричка, то особнячок, то усадьба, а то и целый магазин высотный. И все — кверху зубьями! Как оно так получается? Сие никому не ведомо. Само из земли лезет. Но пока, по счастью, зуб на зуб не попадает. А как выстроятся друг против друга, так челюсти и сомкнутся, отчего-то подумал репортер.

Квартировал Адаманский в «малодушном» вдовьем доме под ярко-зеленой железной крышей, украшенной прихотливыми башенками и шпилями; просторный двор был обустроен службами: кухней, ныне пустующими конюшней и людской, поскольку лошади были давно распроданы, а дворня распущена по домам. Барский особняк, знававший лучшие времена, теперь ветшал и поддерживался лишь средствами от сдачи комнат в наем.

По Садовой-Черногрязской навстречу репортеру неслась поземка, производя завихрения вокруг его особы. Да только невдомек ему было, что те завихрения влекли к нему, словно затягивали в воронку, персон, с которыми затейницей-судьбой ему в тот день уже была предначертана встреча. Случаются дни, когда клубок встреч становится судьбоносным и определяет всю последующую жизнь.

Зима в тот год ничем не отличалась от всех предшествующих московских зим — лютовала и прокази-

ла. В сочельник, накануне Рождества, по случаю мороза, утром доходившего до тридцати градусов, в гимназиях и городских училищах занятия отменились, хотя мороз отнюдь не мешал гимназистам, не охочим до сидячей жизни, кататься на салазках и швырять в проходящих снежки. Снаряды, по причине сухости снега, выходили некрепки и ударяли не больно.

У церкви Трех Святителей хроникер, отряхивая с пальто следы снежного неизбежного обстрела, сел в случившийся кстати вагон конки, имея намерение собраться по дороге с мыслями. Но не довелось. Собираться пришлось с силами, и притом очень быстро, поскольку неожиданно в вагон вскочил злобный расхристаный субъект и одним своим появлением словно столкнул с пологого холма снежный ком, и тот покатился неспешно по Москве, разрастаясь налипающими на него людьми и событиями, и не было, казалось, тому снежному кому остановки.

Начало событий репортер, еще не подозревая своей будущей роли в них, изложил в вечернем номере своего издания:

«Сегодня в полдень мещ. Исидор Лангфельд, желая сесть в следовавший у Красных Ворот вагон конно-железной дороги за №126, вскочил на переднюю площадку, куда вход воспрещен. Кучер, бляха №43, не пускал пассажира. Лангфельд, войдя в азарт, нанес кучеру побои...»

Далее следовало красочное описание собственной удали репортера в поимке легендарного московского вора. Тем утром удача отвернулась от Исидора Лангфельда, поэтому похмельный патриот Адаманский и рассердившийся кучер скрутили его в четыре крепких руки и сдали в участок.

Приступ буйства случился с Лангфельдом вследствие внезапного нарушения душевного равновесия.

Накануне, около четырех часов пополудни, в номерах «Ливерпуль», что в Столешниковом переулке, разыгралась целая драма. Исидор зашел с амурными намерениями к своей новой пассии — мещанке Прибытковой, спасенной им третьего дня от хулиганов в Солодовниковском пассаже, и застал у нее среди пуховых перин разжиревшую за время войны интендантскую крысу в исподнем. Крысы те в последний год японской кампании, уже не скрываясь, разъезжали на моторах по московским ресторанам и гуляли там с удивительным бесстыдством. О суммах, кои возили с собой господа интенданты в карманах и портфелях, вору было известно отнюдь не понаслышке.

Спустив крысу с лестницы и швырнув вослед позорный интендантский мундир, Лангфельд призвал девицу Прибыткову к ответу.

— Позвольте, — пыталась объясниться та, — вы ведь даже не спросили, одна ли я на белом свете. И на что живу!

— А-а-а! Так вы, сударыня, содержанка! И много ли у вас, позвольте спросить, содержателей?

— А как вы думали? Должен же кто-то даму содержать! Что-то я не припомню, чтобы вы мне предложение делали. Да и я вам, сударь, ничего не обещала.

Исидор никак не мог взять в толк, чем, собственно, содержанка лучше порицаемой обществом честной шлюхи. Разве что — обходится дороже. Но тут Лангфельда, склонного к внезапным озарениям, посетила еще одна неудобная мысль. Выходило, что интенданты делились награбленным из казны с дамами — добровольно и с ворами — принудительно. То есть содержали на ворованные средства часть общества, из чего следовало, что Лангфельд — краса и гордость московского воровского мира — тоже был до некоторой степени содержантом. От этой оскорбительной мысли

Исидор пришел в буйство и после шумной сцены ревности в пылу взбаламученных чувств нанес пассивную рану выше колена. Переулок огласился душераздирающими криками, сбежалась прислуга. Перепуганный содержатель «Ливерпуля» вызвал врача. Лангфельд под кудахтанье прислуги скрылся, а полицейский врач вызванной кареты «Скорой медицинской помощи» оказал истекавшей кровью даме первую помощь. Положение больной было признано не очень опасным. Но имени своего обидчика Прибыткова скрывать от полиции не стала. И вот вам результат: в полдень взволнованный неуловимый вор — король московских карманников и знатный медвежатник по совместительству, что само по себе — редчайший случай, доставлен репортером в участок. А у полиции имеется к нему документально оформленное заявление мещанки Прибытковой о покушении злодея Лангфельда на ее, мещанкину, жизнь.

Полиция не чаяла такой удачи. По распоряжению начальника сыскного ведомства накануне производилась облава. Задержали четыре десятка воров, но без главаря, что несколько омрачало торжество. Поэтому, заполучив Лангфельда, притом без особых к тому усилий, обер-полицмейстер обещал Адаманскому не только благодарность, но и денежное вознаграждение, чем репортер был несказанно обрадован. В последнее время, ощущая острый недостаток средств, он собрался было засесть за роман, но дальше описания натуры — подмосковной деревеньки Трудолобовки — дело не шло. Уж очень мрачные нравы царили в том идиллическом пейзаже: ущербные пейзажи, худые коровы, пьянство и разор. Свобода, подаренная государем-мучеником, впрямь крестьянам не пошла. Никакой пасторали не выходило. В результате из-под пера Адаманского вызревал не роман, а социальная драма — тя-

желая, смердящая и безысходная. Кто ж такое читать станет? Так устроена была голова Адаманского: он и в городе видел не героев любовного романа, а сплошь чиновников, ворующих за-ради поддержания семьи, пьющих мастеровых, грязных визгливых торговков — дрянную жизнь дрянных людей и повсеместный разбой. Собственно, ничего другого он и не мог увидеть — в другие круги допущен не был. Хотелось, конечно, пуститься в фантазии о проплывающих мимо в дорогих колясках и авто роскошных феминах. Но что он знал о небожительницах? Ни уклад, ни ценности их духовные и нравственные, ни чувства, ни манера их выражения не были ему ведомы. Разве что наняться в такое семейство учителем и лицезреть все воочию. Хотя, кажется, мсье Стендаль уже использовал этот ход. Да и не один только Стендаль. Адаманскому претило идти исхоженным путем. Он мечтал о головокружительных приключениях, в том числе и амурных, которые так обидно отсутствовали в его жизни. Что же до московских уголовных происшествий, то ни одно из них не тянуло на роман, а все они, вместе взятые, никак не хотели выстраиваться в единый сюжет. В силу совокупности сих огорчительных причин и оставался он заурядным хронистом заурядной жизни Москвы.

Газет теперь публика тоже не читала, желая отгородиться от революционных и уголовных ужасов. И если во время войны тиражи росли на патриотической почве — обыватель усердно вел счет потерь, — то теперь тиражи падали, а с ними и гонорары.

Покинув с высоко поднятой головой участок, хроникер решил, что спешить на встречу с осведомителем уже не имеет смысла, а нужно срочно писать по горячим следам репортаж. Причем делать это следует непременно в каком-нибудь приятном месте. Вчера Ада-

манским были получены восемь рублей гонорара, часть которого он и собирался теперь употребить на восстановление пошатнувшегося за ночь здоровья. Отчего бы достойному человеку не вознаградить себя за труды и доблесть? Выбор его пал на дорогую кофейню Филиппова. Впрочем, что смертный человек может знать о своем выборе? Не исключено, что он был определен хроникеру свыше. Сам же Адаманский пребывал в уверенности, что в кофейню его загнала метель.

Сын знаменитого булочника Филиппова переустроил заведение на европейский манер, с целью привлечь публику состоятельную, с изысканным вкусом. Одни только зеркальные окна и мраморные столики влетели ему в о-го-го какую копеечку! Посетителей встречали лакеи в смокингах, резко контрастировавших с ярославскими лицами потомственных половых. Тем не менее это претенциозное заведение быстро обрело весьма сомнительную славу «вшивой биржи». Состоятельные москвичи не спешили менять свои привычки, поэтому в числе завсегдатаев кофейни случались комиссионеры, агенты игорных домов, которые устраивали здесь нечто вроде сходок, и сыщики, которые «пасли» сих господ. Здесь происходила вербовка азартных посетителей в игорные дома. И кому, как не Адаманскому, было знать, что тут обделывают свои темные дела благопристойные с виду наводчики? В дни бегов и скачек кофейня наполнилась публикой разного чина и звания с беговыми и скаковыми афишами в руках. В этой респектабельной с виду кофейне они получали от «жучков» сведения, на какую лошадь следует ставить. Вот и теперь фартовые личности обсуждали вполголоса новость, которая для них никакой новостью как раз не была, а просто волею случая сделалась достоянием публики. Дело было в подмене

лошадей с целью завладения призом. Вчера в покушении на такой подлог был изобличен один весьма почтенный господин, выведший на ипподром под видом назначенного в гандикап Почтителя другого своего рысака — Урагана, обладающего значительно большей резвостью, и один из судей — бывший владелец обоих названных рысаков — опознал их и указал на подмену. Вышел большой скандал. Нельзя было исключить вероятность, что дело перейдет в суд.

Адаманский решительно направился мимо «жучков» к столику у окна, но дорогу ему как бы случайно загородил лакей.

— В кредит не отпускаем-с, — не глядя в глаза, предупредил он Адаманского, окинув профессиональным взглядом клиента.

Подивившись такой встрече, корреспондент сунул руку в карман и обнаружил, что карман взрезан, а личности и след простыл. То ли Лангфельд во время задержания явил чудеса профессиональной сноровки, то ли кто-то из пассажиров конки воспользовался повернувшимся случаем, — что уж теперь гадать? Хроникер, проклиная всех жуликов Первопрестольной, собрался было пойти в знакомую лавку, отпускаящую ему в долг, и купить фунт жареной колбасы, чтобы позавтракать ею в редакции, но тут случилось неожиданное. Прилично и даже щегольски одетый молодой человек, сидевший спиной к «жучкам», по виду ровесник Адаманского, только до странности бледный лицом, откровенно скучал, хотя корреспондент поклясться мог, что при всем деланом равнодушии тот внимательно прислушивался к шепотку «вшивой биржи». А тут такая забавная сценка приключилась на его глазах: выпроваживают фраернувшего клиента. Натешившись зрелищем, смертельно бледный господин предложил Адаманскому не уходить, а составить ему

компанию к взаимной пользе: оный молодой человек угощает Адаманского, а тот рассказывает ему какую-нибудь интересную историю.

— Так вам повезло, сударь! Ведь я — корреспондент! У меня этих историй!.. У вас денег не хватит угощать! — обрадовался Адаманский.

— За это не беспокойтесь, — ответил щеголь.

Что-то в облике нежданного благодетеля показалось корреспонденту страшно знакомым и напомнило ему о событиях скорее печального характера. У Адаманского была профессиональная память на лица.

— А не мог ли я вас видеть в Угличе, на Дне памяти убиенного царевича Димитрия?

Несколько лет тому назад довелось корреспонденту присутствовать в упомянутом Угличе на ежегодном ритуале: 15-го мая все дети Углича и его окрестностей, до восьмилетнего возраста, собираются в кремле и здесь, после богослужения, совершаемого с особой торжественностью, участвуют в крестном ходе вокруг дворца, в котором некогда жил царевич Димитрий, злодейски убитый при так до конца и не выясненных обстоятельствах. А то был как раз юбилейный год — отмечали 310-ю годовщину злодейства. По окончании крестного хода Уар (а бледный господин в кофейне был конечно же он) раздавал детям гостинцы и игрушки. Посещение Углича было во всех смыслах тяжелым переживанием для царевича. Адаманский же, испытывая любопытство в отношении сего смертельно бледного благотворителя, имел намерение поинтересоваться его личностью, но тот как-то быстро исчез из виду. Говорили: уехал на моторе, притом сильно спешил, а сам репортер был уведен кем-то из коллег в местный трактир.

Тут как раз принесли заказ. Уар не счел нужным отвечать на вопрос хроникера и всем видом своим выка-

зывал готовность слушать историю. Адаманский, сделав несколько глотков ароматного горячего напитка, приступил.

— Я криминальной хроникой все больше занимаюсь. Интересно ли вам это? Что ни день, то грабежи, разбой, воровство, убийства. Да вы наверняка в газетах читали. А сегодня, представьте, мне самому довелось известного разбойника скрутить. Лично! Рассказать?

— Окажите любезность, — усмехнулся Уар.

И Адаманский поведал незнакомцу о своем подвиге, да приукрасил, как водится, и собственную удаль, и общественную опасность вора, связанную с его отменным мастерством и неуловимостью. Незнакомец не отличался живостью реакции и слушал, казалось, вполуха. Следующая порция элитного кофею со свежей выпечкой употреблена была корреспондентом под рассказы о буднях Москвы, насыщенных, по обыкновению, уголовщиной.

— А вчера презабавная история вышла: на Солянке сторожа задержали двух громил по сомнению в принадлежности им пишущей машины. И можно было бы предположить в них писателей или даже пиитов, хоть и рожи — откровенно разбойничьи, да вот незадача: при обыске сии служители муз оказались обмотанными шелковой материей.

Хроникер засмеялся, живо вспомнив картинку, при которой ему довелось присутствовать лично благодаря собственному, везде поспевавшему осведомителю. Но слушатель откровенно скучал, и Адаманский переключился на события культурной сферы.

— На днях, говорят, знаменитая босоногая танцовщица мисс Айседора Дункан предполагает дать в Москве два представления. Вот тут — хоть карманы зашивай!

Собеседник несколько оживился. Адаманский был доволен — наконец-то ему удалось растормошить этого изнывавшего от скуки субъекта, достучаться до мраморного Нарцисса. А что тот Нарцисс — московский репортер не сомневался ни минуты.

Уар же находил хроникера забавным и даже обаятельным. Тот мило, но не вульгарно жестикулировал, имел живые насмешливые глаза, которые, казалось, наблюдали за производимым его рассказными эффектом, и русые волосы, вольно распавшиеся на пробор из-под снятой шапки. Как жаль, подумал он, что репортеру недостает средств на хорошего парикмахера! А впрочем, довольно и того, что тот, кажется, неглуп и хорошо информирован.

Заметив оживление в лице слушателя и приписав его интересу к артистизму дамского пола, Адаманский развил тему:

— Приходилось ли вам слышать о французской танцовщице-сомнамбуле Магдалине Гэ? В настоящее время она гастролирует в Германии, где, говорят, возбуждает интерес не меньший, чем Дункан. Она танцует под музыку Бетховена, Шопена, Баха, но делает это в состоянии гипнотического усыпления. Имеет колоссальный успех! А есть еще, я слышал, бодрствующая подражательница Дункан — мисс Мод Гвендолина Аллен, мимически комментирующая музыку.

Танцовщицы действительно интересовали смертельно бледного господина, особенно одна — московская. Этуаль только начинала карьеру, и к моменту знакомства с Уаром совсем не имела гардероба, что, впрочем, искупалось плещущим через край жизнелюбием и особой привлекательностью. Уар выкупил ее из полицейского участка, куда барышня доставлена была прямо из «Мехового магазина Хомякова», что на Ильинке. Пикантность момента состояла в том, что

она намеревалась уйти из магазина в шубке, не заплатив за нее. Уар, столовавшийся об эту пору в меховых магазинах, полнившихся чистой, сытой московской плотью, стал свидетелем удручающей сцены задержания очаровательной мошенницы и передачи ее в руки околоточного. Он мог, конечно, договориться по дороге и с околоточным, но барышня еще не была достаточно напугана, чтобы преисполниться благодарностью к спасителю в должной мере. А потому он позволил страшно довольному полицейскому чину со свистком, висящим на металлической цепочке по правому борту шинели, сопроводить в участок, супя брови, милвидную особу, дрожавшую в плюшевом пальто.

Сам же околоточный в форменной одежде нового образца, точь-в-точь офицерского, представлял собой живую картину отеческой заботы государя о любимом ведомстве: поверх каракулевой шапки и каракулевого воротника шинели, перепоясанной лаковым кожаным поясом с никелированной пряжкой на один зубец, надет был верблюжий светло-коричневый с серебряным галуном башлык и черные суконные наушники. Черные шаровары с красным кантом уходили в сапоги на твердом футере, с лаковыми голенищами; поверх сапог околоточным дозволялись галоши. Задники галош имели специальные прорезы для шпор, окованные медными пластинками. Одним словом, модисты потрудились на славу! Облеченный властью и на совесть обмундированный чин с исполненным верою в правое дело лицом придерживал широкой дланью за нежное плечико верткую мамзель, имевшую наивное намерение утеплиться задаром.

В участке же перед присутствующими развернулось феерическое зрелище: этуаль в знак протеста принялась срывать с себя и без того немногочисленные покровы, поражая непривычных к созерцанию

столь нежных красот полицейских, и угрожала, что она объявит холодовку. Так что Уару не пришлось долго уламывать участкового пристава: барышню выдали ему на поруки с готовностью, хоть и за солидные отступные.

Самыми популярными товарами зимой кроме дров и водки были, как водится, меха. И если кто-то довольствовался полупальто из шелкового плюша, то Уар повез вызволенную пленницу в «Сибирский торговый дом А.М. Михайлова» на Кузнецком Мосту, где меховые изделия были представлены во всех видах: палантины, этоли, горжетки, боа, дамские шляпы и муфты, дохи на разных мехах. Всю дорогу барышня щебетала, смешно морщила носик и принимала томные позы, как бы намекая на воспоследующую благодарность.

И благодарность воспоследовала. Он желал ее так страстно, что едва находил силы сдерживать себя. Из ресторана, где отмечалось знакомство, чудесное спасение и милый щедрый дар, молодые люди отправились в особняк Уара. Чутье не подвело его: в любовных утехах этуаль оказалась весьма артистична. Гораздо более, чем он мог представить. Она словно продолжала некий танец, зародившийся в ее голове: ухитрялась держать спину, тянуть носок, следить за выворотностью стопы. Утром Уар проснулся с ощущением, что она так и не досталась ему.

— Сударыня, вы этой ночью были со мной? Или на сцене Императорского театра?

— Ах, ну зачем вы спрашиваете? Я, вероятно, была в образе!

— В таком случае вам оставалось только раскланяться, а мне — наградить вас аплодисментами!..

Тем не менее Уар находил дело поправимым. Она еще привыкнет к нему и ринется с желанием и жаром, позабыв о хореографии. Ну что ж, он будет терпелив.

Ведь у него в запасе — вечность. А пока радовало одно — это не выглядело деловитым расчетом за подаренную шубку и свободу.

Анастасия не стала звать царевича его родильным именем — Уар, да и крестильное — Димитрий — находила слишком холодным, поэтому именовала его Митей. И ему это неожиданно понравилось.

Тогда же он замыслил устроить ей ангажемент, но оказалось, что для Большого театра ее исполнительское искусство несколько вульгарно, хотя сам Уар находил его более эротическим, нежели вульгарным.

— Подыщите для вашей канканерки какой-нибудь кафешантан, — посоветовал ему директор театра.

Уар и сам понимал, что классический балет мало подходит для его подопечной хотя бы даже по свойству ее натуры, не говоря уже о пышных статях: шанжман де пье в ее исполнении сопровождался излишне громким стуком при приземлении, да и антраша не хватало легкости. Но ни в какое варьете отдавать подопечную Уар не собирался, а думал создать для нее некий особый танцевальный жанр. Какой-нибудь балет-модерн, скажем. Pourquoi pas? Но теперь, по правде говоря, его несколько смущала манера танцовщицы при последнем па срывать с себя муаровый хитон, оставаясь при этом в трико телесного цвета. Пурпурный сценический костюм летел в партер. В публике неизменно разносился изумленный вздох, мужчины разражались овацией, а дамы — шиканьем. С супругой какого-нибудь почетного мирового судьи непременно делался припадок, и пострадавшую еще долго приводили в чувство.

— Зачем вы это делаете, сударыня? — спросил Уар танцовщицу после первого выступления.

— Я мщу им за отнятую шубку, которой я пыталась согреться в стужу, — ответила этуаль, — пусть пода-

вятся. И потом, я же не в казармах для нижних чинов танцую. Публика облагораживает представление. То, что в глазах простолюдинов выглядит конфузом, состоятельная публика принимает за изыск.

Уар тогда не нашел, что возразить, полагая аргумент танцовщицы весьма разумным.

— И все же, я нахожу, что вы рискуете репутацией. Родителей ваших не боитесь ли огорчить? — с беспокойством поинтересовался Уар.

— Я — сирота, — отрезала этуаль.

Он вдруг отчетливо осознал, что жизнь вновь его балует. К тому же новая любовь случилась на исключительно благоприятном фоне: настроение биржи твердое, спрос на выигрышные займы и нефтяные ценности на должном уровне, с деньгами свободно; ожидается понижение дисконта со стороны государственного банка.

Относительно своего происхождения и родственных связей этуаль к тому времени не совсем еще определилась. Прислуга доносила Уару, что барышня называются то сербской княжной, а то и внебрачной дочерью государя. Он и не настаивал на разъяснениях, и вообще старательно избегал скользкого вопроса, поскольку самому представиться сыном Иоанна Грозного было бы еще большей диковинкой.

Тем временем на углу против кофейни Филиппова со ступенек крыльца парикмахерской Леона Эмбо сошел молодой человек с прической, тщательно уложенной петролем.

— А вот и мой... — Адаманский чуть не сказал «осведомитель», — приятель. Благодарю за угощение, сударь, надеюсь, я его отработал сполна, так что позвольте откланяться. А если вдруг понадобится, ну мало ли:

хандра нападет или сведениями разжиться к взаимной пользе, то вот вам моя карточка.

Уар повертел в руках дешевый прямоугольничек и вынул свою визитную карточку с золотым обрезом:

— Сообщайте мне, если вдруг что-то нетривиальное приключится в мире. К взаимной пользе, разумеется.

Адаманский счел это данью вежливости, но визитную карточку с золотым обрезом и надписью «Димитрий Иоаннович Углицкий», разумеется, взял. Мало ли?.. И тут произошла еще одна неожиданность: новый знакомец не только пожал хроникеру руку, но и слегка приложился к его шее, что выглядело, на вкус репортера, несколько богемно.

В этот момент у крыльца кофейни остановилась рядная коляска, и выходящий Адаманский столкнулся в дверях с феминой в волнующем красном и в облаке умопомрачительных духов. Хроникер застыл, словно громом пораженный, а придя в себя под насмешливым взглядом этуали, посторонился и, проследив за ней, увидел, что навстречу райской диве поднялся его случайный собеседник.

Выйдя из кофейни и переведа дух, корреспондент обнаружил, что его информатор — Николай Трубницкий — уже скрылся в неизвестном направлении.

Осведомитель Адаманского ухитрялся всегда оказываться на месте преступления раньше полиции. А может, той зимой 1904 — 1905 года преступлений в Москве было столько, что, где ни окажись, обязательно станешь свидетелем, а если не повезет, то и жертвой преступления. Но бывшему ученику коммерческого училища Николеньке Трубницкому пока везло. Особое чутье вело его от одного места преступления к другому.

Москва той зимой словно оголодала до обморока.

И дело было не просто в том, что вздорожали жизненно важные продукты, хотя цена супового мяса достигла восемнадцати копеек, да к тому ж необычайно вздорожала птица. Например, утка, расценивавшаяся раньше по рубль тридцать копеек пара, теперь шла по рублю штука. Дело было в чем-то другом. Любая война, чем бы она ни закончилась — победой или поражением, — влечет за собой волну преступности. От мелкого воровства до крупных грабежей и убийств. По Москве бродили громилы, залезая в дома, магазины и мастерские, портя фон профессиональным ворами и приводя граждан в отчаяние, а полицейских — в уныние. Колонки криминальной хроники московских газет полнились уже никого не удивлявшими историями.

«В доме Трубина, в Стремянном пер., за Москвой-рекой, третьего дня, по взлому дверных замков, обокрадена квартира французской гражданки Брунс. Похищено носильное платье, золотые вещи и разные документы всего на 3506 рублей.

...Вчера в доме Соловьева на Крымском валу, в кладовую при квартире содержателя сапожного заведения Я. А. Седова, по взлому двух дверных замков, забралась шайка воров, которые похитили на значительную сумму сапожного товара. Производимый громилами шум был услышан жильцами. Воры, заметив, что они обнаружены, разбежались, но одного из воров удалось поймать. Громилу отправили в участок».

Никаких других занятий Трубницкий не имел по причине отсутствия интереса, в том числе и к торговому делу, к которому мечтал приспособить молодого человека его батюшка, а также по еще более веской причине — почти неограниченной платежеспособности родителя, любившего своего единственного чадушку. Николеньке же мечталось стать московским

пинкертоном и зарабатывать частным сыском. Точнее, некоторое время Николенька выбирал, стать ли ему «джентльменом-грабителем», навроде блистательного любимца читающей публики Арсена Люпена, или же податься в лекоки-пинкертоны. Но для поприща грабителя ему не хватило духу и мотивации — все жизненные блага были Трубницкому доступны, да и изведать каторги ему не улыбалось. Каторгу он находил излишне суровой тяготой. Поэтому Николенька остановил свой выбор на сыщицкой деятельности.

Чтобы сделать себе имя, молодой человек не брал с Адаманского денег за свои филерские услуги, а требовал упоминания своей фамилии в репортаже. В результате им скоро заинтересовалась полиция, заподозрившая в молодом человеке главаря преступной шайки, который при срыве дела выдавал себя за свидетеля, обеспечивая себе алиби. Но заступничеством московского репортера и авторитетом батюшки самодеятельный сыщик был отбит у грозного неприятеля. Пристав тогда предложил ему поступить на государственную службу, но Трубницкий предпочел индивидуальную деятельность.

С утра Николенька в ожидании репортера, укрывшись за старой липой, с интересом и не без удовольствия наблюдал, как у церкви Святого архидиакона Евпла, что на Мясницкой улице, двое воров при помощи крючка, изготовленного из проволоки, выуживали пожертвования из церковной кружки, вделанной в ограду.

Обычно московский пинкертон телефонировал в редакцию с ближайшего доступного аппарата или посылал с места преступления к Адаманскому мальчонку-вестношу, случившегося под рукой, снабдив его деньгами на лихача. Но в этом случае овчинка выделки не стоила, и Трубницкий решил посетить парик-

махерскую. Ах, если бы он только знал, какую каверзу затеяла судьба! Какой крепкой бечевой связала его, сидящего в кресле перед зеркалом, с кем-то, находящимся в кофейне напротив. Не заметил он, как, впрочем, и все другие москвичи, и снежного кома, что катился по Тверской. Не заметил и того, что налип на него.

Покинув парикмахерскую, Николенька отправился по магазинам, досадуя, что «Мюр и Мерилиз» еще не вполне возобновлен после пожара. Впрочем, для его целей годился и празднично украшенный к Рождеству пассаж почившего к тому времени миллионщика Солодовникова. Все проходы пассажа по обеим сторонам запружены были фланерами, хулиганами и ловеласами, и приличной даме без внушительного провожатого довольно рискованно было показаться в его галереях: там царила полная разнузданность нравов при возмутительном попустительстве управляющего.

Третьего дня Трубницкий даже стал свидетелем обморока чувствительной дамы, пришедшей в пассаж без провожатого, да еще и в суконных шальварах — последнем заграничном писке сезона. Николенька сразу подумал, что дама допустила тактическую ошибку и непременно поплатится за нее. Так оно и вышло. Точно стая ворон, хулиганы окружили беспечную особу, забегали вперед, отпускали остроты. А один выскочил, как черт из табакерки, и предложил поехать куда-нибудь развлечься вдвоем. От неожиданности дама слабо вскрикнула и готова была лишиться чувств, но упасть ей не дал некий хлюст — не мешкая, подхватил даму и, потребовав у приказчика кресло, усадил бедняжку. Но самое странное случилось потом: сей хлюст зыркнул исподлобья на хулиганов, и те враз смешались с толпой. Впрочем, странным это могло показаться только лицу несведущему. Трубницкий же без тру-

да узнал в хлюсте легендарного московского вора — Исидора Лангфельда.

Рождество накатывало на Москву тусклое, совсем не чувствовалось праздника, хотя обыватели и ждали появления на Чистых прудах обещанной в рекламе партии лаек и оленей, запряженных в салазки для катаний. Манеж, открытый к рождественским гуляниям, поражал голыми стенами и общим убожеством убранства. Последние печальные события в Порт-Артуре настолько повлияли на москвичей, что во многих гостиных московских домов виднелись записки, в которых большими буквами выражалось желание хозяев, чтобы гости не омрачали рождественских праздников разговорами о войне. Даже обычные места народного скопления — Толкучка, Сухаревский торг, Хитров рынок, Сенная площадь, Труба, Конная — представляли картину необычного малолюдства.

Рубрика газеты «Московский листок», обозначенная как МОСКОВСКАЯ ЖИЗНЬ, сплошь состояла из криминальной хроники, будто все другое было случайным и для Москвы нехарактерным.

«В доме Кунина 1-го участка Пречистенской части громилы, забравшись в пустой сарай, совершили подкоп стены и проникли в гастрономический магазин турецкого подданного Павлюши и магазин обокрали.

...В Русском для внешней торговли банке в Китай-городе произошел переполюх. Артельщик Варваринской биржевой артели кр. Ипатов, сдавая кассиру крупную сумму денег, обнаружил кражу 1000 рублей. Деньги были похищены так быстро, что исчезновения их никто не заметил.

...В колбасный магазин Ерасова при доме церкви Св. Троицы, что в Листах на Сретенке, задержали мошенника, который по подложной записке от рыбного магазина Суворова получил на значительную сумму гастро-

номического товара и намеревался скрыться. Мошенника отправили в участок».

Тем удивительней выглядели поступки горожан, которых одаривала, казалось, сама судьба:

«25 декабря мещ. Федор Иванов Головкин, возвращаясь из гостей домой, на углу Алексеевской и Огородной улиц, вблизи дома Миронова, поскользнулся и упал в сугроб снега, причем под руку ему попал какой-то маленький предмет. Оказалось, что это были дамские золотые часы с такою же цепочкой и медальон. Чьи это часы, пока не известно.

...2 января мещ. Владимир Антипов Прохоров, проходя у церкви Св. Харитония в Харитоньевском переулке, нашел на тротуаре сверток, в котором были расписки и квитанции московской конторы Государственного банка на имя А. А. Гарднера на сумму 23 000 рублей. Свою находку Прохоров представил в полицию».

Так что не следует думать плохо о москвичах, господа! Да и громилы, ищущие, чем бы поживиться, наверняка были не московского происхождения, а заезжие.

Глава 2

ОБЩЕСТВО НЕТРАДИЦИОННЫХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ «ВЗАИМНАЯ ПОЛЬЗА» им. МОСОХА

Первого января 1905 года Москва внепланово и скоропостижно лишилась своего градоначальника: покинул пост генерал-губернатора великий князь Сергей Александрович. Никакой замены ему государь не прислал. Один временщик сменял другого, и до самой середины апреля Общество нетрадиционных потребителей «Взаимная польза» им. Мосоха исподволь

руководило Первопрестольной, просто смазывая колесики и винтики обезглавленной чиновной машины. Громоздкий агрегат скрипел, но ехал в заданном Обществом направлении.

На фоне московских беспорядков и уголовщины всякого бы поразила титаническая деятельность Общества нетрадиционных потребителей. Да не всякому она была явлена, а только тем неординарным потребителям, кои в то Общество имели честь быть вхожими. В одном из особняков Чертолья, придерживая золотое пенсне на узкой переносице, ответственный секретарь Общества — бывший боярин Никита Романович Захарьин зачитывал вслух свежий «Московский листок». Благодаря браку Иоанна Грозного с Анастасией Романовной Захарьиной род Захарьиных-Юрьевых стал в шестнадцатом веке близким к царскому двору, но примерить шапку Мономаха боярину так и не довелось, и закончил он свою прежнюю жизнь, приняв монашество под именем Нифонт. Но будучи **приобщенным доподлинно** самым основателем Москвы Мосохом, с энтузиазмом занялся благоустройством Первопрестольной.

Немногочисленные слушатели, разместившиеся у изразцовой печи в жарко натопленной приемной частной московской лечебницы, внимали Захарьину с интересом.

«Вечно юный, неугасимо-пылкий и неистощимо-фантастичный А. А. Пороховщиков выступил с новым грандиозным проектом, имеющим задачей перекрыть Москву заново, расширить ее «дистанцию» на 100 кв. верст и дать населению все блага культуры. А.А. Пороховщиков был когда-то самым популярным человеком в России: ему принадлежит идея Добровольного флота, он «учредил» наш «Славянский базар» — эту вторую биржу Москвы, в недавнее время его же

инициативе обязана постройка новых торговых рядов — единственного в Европе по грандиозности храма торговли; он устроил первый в России цементный завод, тридцать лет назад подал мысль о постройке Московской окружной дороги и еще не далее как год тому назад обжегся на устройстве своего пресловутого огнестойкого поселка.

Новый проект А.А. Пороховщикова не менее грандиозен и, пожалуй, более осуществим, но разве лишь через сто лет. Как бывший когда-то председатель думской комиссии о пользах и нуждах общественных, г. Пороховщиков решил на этот раз посвятить свои думы и фантазии бедному населению Москвы, замышлив удешевить его жизнь самым простым способом: застройкой новых местностей комфортабельными и дешевыми жилищами.

— Я рисую себе будущую Москву величайшим и красивейшим городом мира, — говорил нашему сотруднику А. А. Пороховщиков. — Мой проект сводится к тому, чтобы заселить прежде всего окраины Москвы. Вот — громадная местность Петровского парка, чудные, но пустынные Воробьевы горы, Сокольники, Бутырки. Представьте себе, что все эти места будут застроены пятиэтажными корпусами, длиной от 50 до 100 саж. В подвальном этаже я располагаю все принадлежности для рынка: здесь помещаются погреба, ледники, кладовые. Из центрального пункта этого благоустроенного рынка я провожу в каждую квартиру дома и в другие дома того же района телефон. Телефон — это главный фактор моего проекта. При посредстве телефона я достигну небывалых удобств и удешевления жизни.

Каждому телефонному абоненту будет дана книжка с обозначением цен товаров. Квартирант сообщает по телефону требование, чтобы к такому-то часу

было доставлено ему нужное количество провизии и иного товара, имеющегося на складе рынка. Заказ немедленно же исполняется особой артелью, которая и получает плату за товар по прейскуранту. Благодаря устранению посредничества в торговле все товары отпускаются почти по заготовительной цене. Двухрублевый чай вы получаете со скидкой до тридцати процентов; муку, овощи и питьевые продукты — по самым дешевым расценкам, а молоко не иначе как с собственной фермы.

В одном из этажей поместятся гимнастический зал, читальня, зал для собраний и детских игр; кроме того, имеется в виду устроить общую образцовую прачечную, амбулаторию для больных и проч.

— Но ведь нужно много денег для осуществления всех этих грандиозных затей?

— У меня есть капиталисты! — с загадочной улыбкой отвечает на это А. А. Пороховщиков.

— Вот счастливец, у которого всегда в запасе и капиталисты и... фантазии.

Кир-ъ»

Мосох одобрительно кивал, потряхивая седыми космами. Капиталы под фантазии прожектера в изобилии поставляло Общество нетрадиционных потребителей «Взаимная польза» — малоизвестное широкой публике в тот исторический момент, впрочем, как и во все времена, потребменьшинство, входившее на указанном историческом отрезке истории Москвы в «Московский Союз потребителей». Штаб-квартирой Обществу служила частная лечебница на Пречистенке, на дверях которой в бронзовой виньетке помещалась надпись:

«Отворяем кровь. Кровопускание».

Лечебница наполнилась хлопотами и деятельностью: москвичей следовало ежеутренне и ежевечерне лечить

от нелюбви к себе, выражавшейся в лени, пьянстве, отсутствии воли и бытовой гигиены.

Общество занималось всем, что позволяло не выезжать за пределы Москвы, поскольку были жестко привязаны к ней потребляемым продуктом — юшкой москвичей. Банки, страховые общества, общества взаимного кредитования, ростовщические конторы, модные мастерские, рестораны, конторы по купле и продаже московской недвижимости, нотариальные конторы — словом, все, что не требовало приложения собственных рук, а одной только умственной работы, день ото дня обогащало нетрадиционных потребителей.

Слушатели потянулись в процедурную палату, имевшую отдельный вход снаружи, и, отобедав там кем бог послал, приступили к обсуждению прожекта. А пациент, с которого сошла апоплексическая краснота, почувствовал себя значительно лучше и ушел весьма довольным.

— Господа, я не понимаю, к чему нам излишняя публичность? На нас и так все непотребства смертных властей сваливают. Того и гляди неразумная плоть обрушит на нас месть и гонения. Зачем подставляться? Массы вон в Петербурге волнуются. Не ровен час, до нас волна докатит, — высказал опасения бывший бурсак Фофудьин.

— А вот это все — для кого делаться будет? Для чистой плоти или для нечистой? Я что-то не пойму, — засомневался в целесообразности вложения средств Мосох, — чистая ведь ни за что гуртом жить не станет.

— Я полагаю, что в таких домах следует содержать прослойку. А-то в низы оне не хотят, а в верхи — не могут. Ну и стравливают тех и других между собой. Потому что чистая и нечистая плоть свое Предназначение и Путь знает от рождения. А эти болтаются, как говно в проруби, и от страха перед низами и от зависти

к верхам мутят реку. А всякая река должна течь в своем первоизданном русле, — размышлял ответственный секретарь Никита Романович. — Сами-то эти революционные экспроприаторы только и думают, где бы денег украсть на честный манер.

— Стоит только дворянину обеднеть, а бывшему крестьянину разбогатеть, как у них резко меняются взгляды на противоположные, — посетовал Фофудьин.

— Взгляды же — не кровь. Взгляды сильно зависят от количества нажитого, — пожал плечами царевич.

— Да где ж это мы тут подставляем, позвольте узнать? — вернулся Элизий Бомелий к вопросу Фофудьина. — О нас тут ни полслова. А потребителя надо растить, воспитывать на лучшем. Чтоб понимал, к чему стремиться следует. И не погрязал в свинстве. Потребителю следует больше печься о своем здоровье, — изрек бывший штатный аптекарь-отравитель при дворе Иоанна Грозного, пишущий ныне книги для серии «Библиотечка знахаря».

— Знаем-знаем... Вы предлагаете все болезни лечить сексом. К примеру, головную боль!

— Ну и правильно! Клин клином вышибать.

— Дык на все болячки клиньев не напасешься! И какой тут, скажите на милость, православный секс, когда он — грех? Москвичи и слова-то такого не знают. Секс ваш — это лондонские козни и насмешки. Здесь у нас — либо романтическая любовь, либо безобразия и свинство, — посетовал ответственный секретарь.

— Видите ли, уважаемый Никита Романович, слова для этого знать не обязательно. Главное — понятие иметь. И я, поверьте, этот вражеский термин в своих писаниях и не употребляю. Есть слова «сношение», «совокупление», еще разные...

— То-то и выходит вместо секса — разное.

— Главное — чтобы плоть плодилась. А сексом или разным — непринципиально.

— Я все-таки — за канонический способ, господа, — молвил Никита Романович Захарьин, успевший при жизни побыть и монахом.

— А то все бегают вас спрашивать... Руководство для потребителей еще издайте, — усмехнулся Бомелий, но вдруг задумался: отчего же не издать для нужд неумелого юношества отеческие наставления?

— Вы, господин знахарь, уподобляетесь в своих писаниях пубертатному гимназисту. Все ваши способы борьбы с заразными заболеваниями и профилактики оных начинаются словами: «Следует взять в селении молодую вдову и раздеть ее донага». Дайте на случайной странице открою... — Фофудьин перегнулся через стол, изъял из рук лекаря книжицу, открыл наугад и зачитал присутствующим: — «В полночь должны собраться все бабы и девки, в одних рубашках, неподпоясанные, простоволосые и босые. Опахивание производит самая молодая вдова, раздетая донага. На нее надевают сошной хомут и впрягают ее в соху. Другую вдову, более ядреную, впрягают в борону. Все готово. Как только во время опахивания они завидят холеру, должны бросить все — и соху, и борону, бежать навстречу холере, ловить ее и бить. Кто только ни встретится — это холера. Если встретится поп, то и попа не щадить, потому что холера часто превращается в него, чтобы избежать гибели».

— Какая же это профилактика? Срам один. Двадцатый век на дворе, а вы все подолы бабам задираете да шпанскую мушку сушите.

— Темный вы человек, Святослав Рувимович. Залповый выброс тестостерона в разы повышает сопротивляемость организма зловредным инфекциям, — снизошел до объяснений Бомелий.

— Понабрались где-то словечек... Морочите нам головы. Так знайте, что я вам на это отвечу, любезный знахарь, — Фофудьин помахал перед носом Бомелия газеткой и зачитал: — «Постановлением московской судебной палаты приостановлено издание журнала «Член всех партий», привлеченного к ответственности за порнографию. Палата постановила также уничтожить все брошюры под заглавием «Сборник сведений, полезных для крестьян».

— А не вы ли — издатель сей продукции? — Святослав Рувимович вперил язвительный взгляд в знахаря.

— Ну я. И что? Хоть как-то стимулирую элитную плоть плодиться. Забочусь о возобновлении ресурсов органики. А вы, господин бурсак, — ханжа или... покажитесь доктору. Возможно, это у вас последствия перенесенного сифилиса. Я, если что, могу травками подействовать. Нет участи более печальной, чем вечное половое бессилие.

В голову Бомелия сейчас же полетела малахитовая чернильница, но тот ловко увернулся и прикрылся томами «Библиотечки знахаря».

— Ну и зачем нам крестьяне? — выразил недоумение Никита Романович, призвав дуэлянтов к порядку.

— Крестьяне нам потребны, чтобы элитную плоть своими трудами кормить. А книг они, к вашему сведению, не читают вовсе. И не потому что трудятся в чрезвычайном рвении от зари до зари, а потому что неграмотны. Зато мой «Сборник сведений» вы найдете под пуховой подушкой каждой уважающей себя столичной дамы.

— Откуда такая осведомленность? — усмехнулся Фофудьин.

— Проверял самолично! — ответил Бомелий и тут же схлопотал увесистую оплеуху от баронессы Розен.

— Голубушка! Вы не так поняли! Я же — знахарь!

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. МОСКВА ВОРОВСКАЯ.	6
Часть вторая. НОВЫЕ ВРЕМЕНА.	146
Часть третья. АЛМАЗНАЯ ЛИХОРАДКА.	202